

УДК 81.42

Дединкин Александр Леонидович
кандидат исторических наук, доцент,
директор филиала
Витебский филиал Международного
университета «МИТСО»
г. Витебск, Беларусь

Dedinkin Alexander
PhD in History, Associate Professor,
Branch Director
Vitebsk Branch of the International
University “MITSO”
Vitebsk, Belarus
alexanderdedinkin@yandex.by

ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ОБРАЗА «ЧУЖОГО» («ВРАГА») В СОВРЕМЕННОМ ЭКСТРЕМИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

LINGUISTIC EXPLICATION OF THE IMAGE OF AN “ALIEN” (“FOE”) IN MODERN EXTREMIST DISCOURSE

В статье рассматривается использование в экстремистском дискурсе базовой архетипической оппозиции «свой – чужой (враг)». Основными приемами вербализации образа врага являются: подмена понятий, осмеяние или деаксиологизация символов, вербализация негативных характеристик, использование конструкций субъективизации информации, мифологизация текста и футуризация его содержания.

Ключевые слова: *экстремистский дискурс; образ «чужого» («врага»); оппозиция «свой – чужой»; языковая экспликация; вербализация образа врага.*

The article examines the basic archetypal opposition “friend – alien (foe)” in extremist discourse. The main methods of verbalizing the image of a foe are: substitution of concepts, ridicule or deaxiologisation of symbols, verbalization of negative characteristics, use of constructions subjectivating information, and mythologization of a text and futuriation of its content.

Key words: *extremist discourse; image of an “alien” (“foe”); opposition “friend – alien”; linguistic explication; verbalization of the image of a foe.*

Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни – одно из преступлений экстремистского характера, направленное против безопасности человечества.

Учеными, и в первую очередь филологами, в рамках такого прикладного научного направления, как лингвистическая экспертиология, разрабатываются соответствующие методики оценки текста на предмет наличия в нем признаков

экстремизма. Задачи эксперта-лингвиста состоят в выявлении информации, возбуждающей вражду или рознь по тому или иному признаку. В отсутствие общепринятой методологии исследования экстремистского дискурса мы предлагаем подходить к его анализу через базовую архетипическую оппозицию «свой – чужой». В. А. Маслова утверждает, что данная оппозиция строит мир, цементирует культуру [1, с. 10]. По мнению Ю. С. Степанова, противопоставление «свои – чужие» является одним из главных концептуальных представлений любого народа [2, с. 126].

Цель данной статьи – представить способы языковой экспликации образа «чужого» («врага») в оппозиционном сопоставлении с понятием «свой».

В процессе диалога каждая культура (понимается нами максимально широко, включая социально детерминированные субкультуры, институциональные культуры и т.п.) вырабатывает своеобразный «иммунитет» к другой культуре, не допускающий чуждых элементов. «Свое» – это близкое и понятное, «чужое» – неизвестное и опасное. «Свое» – это «мой» мир, а «чужое» – «враждебный» мир. Именно вокруг этих двух концептуальных категорий строится бытие человека.

Диалог между «своими» и «чужими», по А. Шюцу, заключается в том, что «свое» переживание и сознание есть реакция на переживание и сознание «другого». В данном случае установка «я» по отношению к «чужому» определяется как «враждебная» [3, с. 446].

Анализ диспозиции «свой – чужой» представлен в трудах П. Бергера и Т. Лукмана. Основу данной теории составляет утверждение, что формирование в сознании обобщенного «чужого» становится решающим фактором социализации и обретения коллективной идентичности [4, с. 207–212]. Ю. Хабермас рассматривает дискурс «свой – чужой» с позиции социокультурной природы и динамики коммуникации. По мнению автора, равное уважение к каждому должно распространяться не только на себе подобных, но и на других в их «инаковости». Солидарное поручительство за «чужого» как за одного из «своих» является основой позитивного диалога культур [5, с. 47–48].

О взаимодействии культур по типу «свой – чужой» говорится в исследованиях М. М. Бахтина. Отношения взаимотерпимости, по мнению автора, помогут избежать риска «онтологического одиночества неузнанности», а также риска эксплуатировать «чужого» в качестве единственного инструмента самопознания [6, с. 112–118]. Таким образом, межкультурные коммуникации содействуют встрече «своей» культуры с «чужой» при сохранении самобытности обеих.

По мнению Л. М. Голикова, оппозиция «свой – чужой» включает механизм идентификации на уровне реакции «хороший – плохой». В результате образуется единый оценочный образ «идеал – враг». Оценка содержания экстремистского текста заключается в выявлении оппонентов [7].

В трудах Л. И. Гришаевой утверждается, что в результате взаимодействия с «другой» культурой у реципиента формируется к ней свое отношение, которое детерминируется специфическими различиями. Таким образом, диффе-

ренциация «свой – чужой» – «это маркирование себя самобытными формами своей культуры, что является основанием для самоидентификации» [8, с. 12]. Именно этот подход мы попытались экстраполировать в современную юрислингвистику. Кроме того, нами использованы реальные примеры из практики экспертных исследований, что позволяет «не отрываться» от категории языковой личности [9, с. 364].

Современный экстремистский дискурс строится на диспозиции: «свой – чужой», вариантами которой являются «друг – враг», «мы – они». К примеру, в межнациональных отношениях анализ реализации данной антиномии способен выявить ассимиляцию, интеграцию, сепарацию, а в межконфессиональных отношениях – толерантность или религиозную неприязнь. Адресатами экстремистского дискурса являются как потенциальные единомышленники («друзья», «свои»), так и противники («враги», «чужие»). Среди «своих» автор распространяет информацию, возбуждающую вражду или рознь в отношении противников. Таким образом, «свои» представляют собой доминантную группу. «Чужие» («враги») являются объектами экстремистского воздействия, составляя тем самым рецессивную группу.

С концептом «свой – чужой» связаны такие категории, как «идентификация» и «идентичность». В процессе идентификации происходит осмысление человеком себя самого, осознание принадлежности к определенной группе, осуществляемое, как правило, на фоне контактов с представителями иной группы. Действительно, «свое» легче познается на фоне «чужого». В итоге формируется коллективная идентичность, под которой мы понимаем способность психики человека выражать то, как он представляет себе свою принадлежность к той или иной группе. Как отмечает Я. Ассман, коллективная идентичность представляет собой образ, который группа конструирует относительно самой себя и с которым идентифицируются все члены этой группы [10, с. 216–224].

«Чужое» воспринимается человеком по-разному. Здесь возможны и интерес, и безразличие, и отторжение, и неприятие. Как минимум, отношение к чужому является настороженным, а зачастую – негативным (особенно в том случае, когда «чужое» угрожает «своему»). Исторический опыт свидетельствует, что опасность, исходящая от «чужого», составляет социокультурный контекст для формирования «образа врага».

Следует отличать понятия «враг» и «образ врага».

Термин *враг* соотносится с понятием «вражда», включающим в себя «отношения и действия, которые мотивированы чувством неприязни, ненависти, злобы» [11]. «Враг» – это актор, представляющий собой реальную или мнимую угрозу самому существованию индивида, группы, социума, носитель антигуманных свойств и качеств. «Враг» может ассоциироваться с конкретной личностью, группой, государством, идеологией, общественным строем и другими объектами. Он представляется дефективным или агрессивным, но в любом случае – вызывающим отрицательные эмоции.

Существует два уровня взаимодействия с врагом: пассивный и активный. Пассивный уровень подразумевает оценку уровня опасности со стороны врага, прогнозирование его возможных негативных воздействий на группу «своих».

В данном случае враг наделяется дефективными чертами, что на уровне дискурсивной вербализации не предполагает призывов к физическому воздействию в отношении рецессивной группы. Активный уровень связан с действиями, направленными на сдерживание врага, нанесение ему ущерба или его ликвидацию. Оценка врага как агрессивного оппонента реализуется в вербальных призывах к активному физическому противостоянию.

«Образ врага» – это оценочная характеристика, сформированная в общественном сознании с позиции экстремистского дискурса. Образ врага, как правило, конструируется авторами экстремистских текстов, а уже затем поддерживается членами той или иной группы. «Враг» и его «образ» могут значительно отличаться друг от друга, так как восприятие отражает не только объективную реальность, но и оценочные интерпретации, и эмоциональные компоненты перцепции. Кроме того, на формирование образа врага оказывают влияние стереотипы и установки, мифы и предрассудки, присущие массовому сознанию. Необходимо учитывать, что восприятие «врага» опосредовано многообразными источниками информации (например, СМИ), которые могут целенаправленно формировать определенный имидж.

Формирование образа врага приобретает особую значимость для осознания членами той или иной группы своего единства. Подобную идею сформулировал Г. Зиммель, который указал на значимость внешней угрозы для внутригрупповых процессов. Исследователь выдвинул парадоксальный тезис о том, что определенные группы могут быть заинтересованы в существовании врага, а его уничтожение может означать разрушение собственной группы [12, р. 98].

Настойчиво формируемый образ врага повышает не только внутреннюю солидарность, но и управляемость социальной группы, становится своеобразным пропагандистским мифом, мощным орудием манипуляции. В результате подобного воздействия у объекта формируются определенные мотивационные состояния, побуждающие его к желательному для субъекта воздействию поведению.

Анализ фактического материала (прецедентные случаи проявления экстремистского дискурса в отечественном и зарубежном коммуникативном пространствах; данные, полученные лично в процессе проведения судебных лингвистических исследований) показывает, что авторы экстремистских текстов при создании «образа врага» используют целый ряд способов манипуляции, применяя соответствующие языковые приемы.

1. Подмена понятий, когда вместо реальных виновников происшествия (возможно, кого-то из «своих») обвиняются «чужие». К примеру, в войнах и терактах авторы экстремистских текстов в безапелляционном варианте обвиняют, как правило, выходцев с Кавказа:

Кавказцы – бесполезная нация. Они ничего не производят, а только потребляют. Если их всех стереть с лица земли, никто и не заметит, ибо мир ничего не потеряет. Наоборот, станет лучше. Будет меньше войн, меньше крови.

2. Осмеяние или деаксиологизация символов. Примерами могут служить карикатуры на пророка Мухаммеда или перечеркнутые изображения символов ислама – полумесяца и звезды.

3. Вербализация негативных характеристик, когда авторы экстремистских текстов приписывают членам рецессивной группы лишь отрицательные качества. К примеру, в отношении цыган стереотип настолько силен, что укоренился в языке с такой оценкой, как цыганщина:

Цыгане занимаются грабежами, наркоторговлей, незаконным хранением оружия. Обычные занятия цыганок – гадание, попрошайничество и воровство детей. За отказ от гадания цыганки проклинают.

4. Использование конструкций субъективизации информации в качестве аргументации. Изначально манипулятор использует категории «вероятно», «возможно», «скорее всего» (*мусульмане, скорее всего, объявили новый джихад против христиан или китайцы, вероятно, хотят захватить наши земли, чтобы расширить свое жизненное пространство*). После множественных упоминаний подобных конструкций последние становятся «обоснованными» утверждениями.

5. Мифологизация текста с целью воздействия на эмоциональный мир реципиентов. К примеру, используется миф о мировом сионистском правительстве, существовании заговора, участниками которого являются евреи. Конечной целью такого заговора называется истребление белой расы:

Все евреи заодно, они склонны к заговорам, связаны круговой порукой и помогают своим по крови. При этом они сами ничего полезного не производят, а едят русский хлеб. Они не любят русских, государство, в котором живут, и склонны к предательству, зачастую с помощью или по просьбе своих родственников на Западе. При случае они готовы бежать за границу со всем накопленным в России богатством.

6. Футуризация текстового содержания, когда авторы в экстремистском дискурсе при формировании образа врага информируют о «готовящихся провокациях» со стороны «чужих». К примеру, среди футбольных болельщиков распространяется информация об ожидаемых агрессивных действиях сотрудников милиции во время проведения ближайшего спортивного мероприятия:

Будьте внимательны! ОМОН с дубинками будет нападать со спины. Начнут всех валить по беспределу.

7. Семантическая компиляция. При формировании образа врага авторы экстремистских текстов могут использовать неактуальные сюжеты применительно к текущим событиям. В креолизованных текстах зачастую наблюдается наложение на ранее демонстрируемое видео (к примеру, погромы, учиненные мигрантами в европейских городах) новой звуковой дорожки с необходимыми автору комментариями (к примеру, о необходимости изгнания мигрантов из России).

8. Указания на единение с аудиторией, когда авторы ссылаются на коллективное мнение («общеизвестно, что браки славянских девушек с «черными» приводят к вырождению белой расы...») или результаты псевдосоциологических исследований:

90 % жителей России отрицательно относятся к вступлению в брак с представителями других рас, национальностей и религий.

Таким образом, ключевым признаком экстремистского текста является оппозиционность доминантной и рецессивной групп («своих» и «чужих»). Формируемый образ врага является эффективным средством разжигания расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни. Авторы экстремистских текстов при создании образа врага чаще всего прибегают к таким приемам вербализации образа врага, как подмена понятий, осмеяние или деаксиологизация символов, вербализация негативных характеристик, употребление конструкций субъективизации информации, мифологизация текста и футуризация его содержания, использование семантической компиляции и указаний на единение с аудиторией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова, В. А. «Свой» и «чужой» – важнейшая оппозиция в лингвокультуре / В. А. Маслова // Гендер и проблемы коммуникативного поведения : материалы 6-й междунар. науч. конф., Полоцк, 27–28 окт. 2016 г. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: М. Д. Путрова [и др.]. – Новополоцк, 2016. – С. 10–13.
2. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академ. проект, 2004. – 992 с.
3. Шюц, А. Избранное: мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М. : Рос. полит. энцикл., 2004. – 1056 с.
4. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
5. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2001. – 417 с.
6. Бахтин, М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники: Ежегодник 1984–1985. – М., 1986. – С. 80–160.
7. Голиков, Л. М. Каковы признаки текстов и видеоматериалов экстремистского характера, размещаемых в социальной сети «ВКонтакте» / Л. М. Голиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vsede-la.ru/index.php?topic=1696.0>. – Дата доступа: 07.02.2021.
8. Диспозиция «свой – чужой» в культуре / Воронеж. госуниверситет ; ред.: А. С. Кравец [и др.]. – Воронеж, 2007. – 257 с.
9. Лавицкий, А. А. Языковая личность делинквента как объект судебной лингвистической экспертизы: от теории к практике / А. А. Лавицкий // Перспективные направления современной лингвистики : сб. науч. тр. междунар. науч.-теорет. конф., Москва, 15–16 окт. 2020 г. / РУДН ; ред.: В. В. Воробьева [и др.]. – М., 2020. – С. 363–369.
10. Assmann, J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen / J. Assmann. – München : Beck, 2000. – 344 S.
11. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов [Электронный ресурс]. – 1-е изд. – СПб. : Норинт, 1998. – Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari>. – Дата доступа: 02.01.2021.

12. *Simmel, G. Conflict and the Web of Group Affiliation / G. Simmel. – London : The Free Press of Glencoe Collier-Macmillan Ltd., 1964. – 195 p.*

Поступила в редакцию 12.03.2021